

Вера Лебедева — комсорг 84-го отдельного полка связи на Ленинградском фронте

ВЕРА Васильевна Лебедева — активная участница боев в период 900-дневной блокады Ленинграда, освобождения Ленинградской и Псковской областей от немецко-фашистских захватчиков.

Отчетливо помню свою первую встречу с ней летом 1943 г. в пригороде Ленинграда — селе Рыбацком, где размещались штабы армии и 84-го полка связи. Во встрече участвовали комсомолы полка — юноши и девушки, свободные от дежурства на радиостанциях, телефонных и телеграфных аппаратах. В назначенный час к нам пришел парторг капитан Н.М.Манухин в сопровождении девушки-лейтенанта. Это и была Вера Лебедева. *Иванов Сергей Андреевич* — доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Псковского госпедуниверситета им. С.М.Кирова, участник Великой Отечественной войны

дева. Парторг сообщил, что она назначена в наш полк на должность комсорга, и сказал, что Вера Васильевна с первых дней войны добровольно вступила в Красную Армию и на фронте уже два года. До войны она работала сотрудницей одной из военных академий Ленинграда, где возглавляла комсомольскую организацию академической лаборатории. В первые месяцы войны была сандружинницей, уже под Кингисеппом перевязывала попавших под бомбежку фашистских самолетов раненых солдат. Затем, в конце августа 1941 г. воевала в батальоне морской пехоты, пополненном под Пулковом моряками с крейсера «Максим Горький» и вступившим в бой с фашистами. Вера под сильным огнем противника спасала раненых, при этом была ранена и сама. Это было ее первое ранение, а после излечения в ленинградском госпитале в сентябре 1941 г. Лебедева получила назначение на должность санинструктора 261-го пулеметно-артиллерийского батальона, находившегося в районе Красного Бора — на рубеже в системе Колпинского укрепрайона. В составе этого батальона она служила полтора года, участвовала в боях, научилась обращаться со всеми видами оружия: винтовкой, автоматом, пулеметом и минометом, стала снайпером.

Завершая свое выступление, парторг сказал, что Вера Васильевна познакомится с каждым из нас: мы расскажем ей о себе, о службе в полку, а она — о жестоких боях под Колпином, о своем втором тяжелом ранении, о награждении орденом Красного Знамени. Вера пообещала встретиться с нами на местах службы: на радиостанциях, в радиобюро, в телефонно-телеграфном батальоне и других подразделениях в составе полка.

Как только закончилась эта первая встреча, Веру окружили наши девушки — ра-

дистки, телефонистки, телеграфистки, любовались новым комсоргом, рассматривали боевой орден. В нашем полку не только у девушек, но и ни у кого из мужчин такой награды не было. Лишь отдельные связисты были награждены медалью «За боевые заслуги».

Я надеялся на скорую встречу с Верой на своей радиостанции, помня ее обещание побывать в подразделениях, где служат комсомольцы, и ждал ее. И встреча состоялась. «Помог» ей страшный артиллерийский обстрел противником территории вблизи моей радиостанции. Обстрелы были частыми, и всегда снаряды врага наносили нашим подразделениям большой урон. По окончании каждого из обстрелов командиры обходили подразделения полка, тяжело переживали, видя разрушения и гибель людей.

Моя радиостанция была установлена в фургоне, стоявшем в окружении высоких деревьев. Для автомашины был вырыт окоп, но поскольку почва была болотистой, окоп был небольшой глубины (выступала вода). Поэтому в окопе смогли укрыть только ходовую часть машины, а почти весь фургон был виден над землей. И вот осенним солнечным днем 1943 г. начался жуткий обстрел территории, где стояла станция. Артналет я, к счастью, пережил. После окончания обстрела на радиостанцию пришла Вера, справилась о моем самочувствии.

Я рассказал ей, что один из снарядов противника, ударившись о ствол дерева, разорвался в воздухе, а осколок пробил крышу фургона, пролетел мимо моей головы и упал на стол, где стояла радиостанция и лежал аппаратный журнал. Я поднял осколок, он был еще горячий. Следующий снаряд попал в окоп. Я почувствовал, как машину подбросило и сильно трянуло о землю. После того, как наступила тишина, я вышел из машины и увидел под ней искореженную землю: снаряд ушел в болотистую почву слишком глубоко и там взорвался, взрывная волна вздыбила землю и встряхнула машину. Осколки же потеряли силу, поэтому никакого вреда машине не причинили. Благодаря этому уцелел и я.

Вера спросила, было ли у меня при этом чувство страха, и я честно ответил: «Да, было. В окошко фургона я видел, как рвались снаряды и взрывы приближались к радио-

станции. Уйти в укрытие нельзя, т.к. проводочная связь была перебита, и оставалось только радио. Это был для меня не первый артобстрел, и я уже не раз оказывался в опасности. Но бесстрашия во мне не выработалось».

По всей вероятности, мои переживания «заставили» Веру вспомнить морозные зимние месяцы 1941 г., трудную весну 1942 г., передний край у Колпино, где все время шли бои. В сводках Совинформбюро их называли «боями местного значения», но они играли существенную роль в обороне Ленинграда. Вера служила в 3-й роте 261-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, и вот что рассказала в воспоминаниях:

«В январе-феврале 1942 г. враг все чаще совершает разведку боем, охотится за «языком». Ведем бой. Редуют ряды воинов во взводах, или, как принято было в те дни говорить, на «точках». Пополнения нет. Во взводах вместо 15-16 человек оставалось по 5-6 бойцов. Расстояния между «точками» немалые: от 200 до 500 метров в зависимости от местности. До немцев – 300 метров, 150, 100 и самое малое 50. И так по всей линии обороны переднего края отдельного батальона в зиму 1942 г.

Иногда санинструктору приходилось брать в руки оружие вместо перевязочных пакетов и вести огонь по врагу. Так произошло и со мной. В ночь со 2 на 3 апреля 1942 г. я находилась на командном пункте роты и звонила из землянки связистов, выясняя, сколько человек из взводов переднего края смогут присутствовать на комсомольском собрании в следующую ночь. Я была неосвобожденным комсоргом роты.

В землянку вбежал солдат и прокричал, что на правофланговой «точке» немцы, есть там и наши раненые. В соседней землянке рядом со связистами находился командир роты, мы прибежали к нему и сообщили тревожное известие.

Командир роты, я и еще трое солдат побежали на «точку».

Землянка на «точке» горела. Я перевязывала раненых. Но противник продолжал вести стрельбу из минометов. Можно было понять, что сейчас немцы вновь попытаются наступать. Из оружия у нас были автоматы,

ручной пулемет и, конечно, гранаты. И мы увидели, как идут немцы.

Взяв пулемет и два диска, я, перевалившись через бруствер, перебежками двинулась навстречу немцам. Они были видны хорошо, во весь рост: до них было метров 50. Я открыла огонь. Они залегли, вели огонь в мою сторону, продолжали двигаться, но уже ползком. Я меняла позиции и продолжала стрелять. Диск кончился, вставила другой, пристроилась под небольшой елочкой. Веду огонь. Передо мной падает немецкая граната. Я, лежа, наотмашь отбрасываю ее в немцев, следует взрыв. В это же время я чувствую резкие удары в левую лопатку, руку и спину. Ранена другой гранатой, брошенной немцами. Снова, ползая, меняю позиции и стреляю. Немцы падают – один, второй... Другие двигаются в мою сторону. Я даю несколько очередей, и пулемет умолкает. Кончились патроны. Я себе сказала: «Все ясно». Встала во весь рост, вырвала зубами чеку из «лимонки», сжала крепко гранату. Решила взорвать себя вместе с немцами. Подумала о маме...

Вдруг раздался треск автоматов. Это наши солдаты спешили меня выручать. Сержант вырвал у меня «лимонку» и бросил в сторону уползавшим немцам. Она взорвалась. Я теряла силы от потери крови. Меня тащили на волокушах. Я была ранена пятью осколками мин и ручных гранат. Две из этих ран были тяжелыми. Была отправлена в госпиталь в Ленинград. Там лечилась целый месяц, была выписана 1 мая 1942 г. Тогда мне сказали, что приезжал в госпиталь генерал-майор, начальник Политуправления фронта и сообщил, что я представлена к ордену Красного Знамени.

В свой батальон я вернулась к вечеру 1 мая 1942 г. В сентябре 1942 г. я была назначена комиссаром батареи 76 мм и 45 мм пушек в своем батальоне. Но должности комиссаров были упразднены, и я стала именоваться заместителем командира по политчасти, мне было присвоено звание лейтенанта.

В батальоне я прослужила до июня 1943 г. К этому времени должности замполитов упразднили, и я была направлена к вам в 84-й полк связи комсоргом полка».

Сильно волнуясь, Вера закончила свои воспоминания, и вскоре ушла. Я долго находил-

ся под впечатлением рассказанного ею. Наша встреча на радиостанции не была последней.

Хотя лейтенант В.В.Лебедева и другие офицеры нашего полка почти не имели свободного времени, т.к. занимались подготовкой средств связи к предстоящим боям по полному снятию блокады Ленинграда, Вера еще несколько раз приходила ко мне на радиостанцию. Мы симпатизировали друг другу, беседовали, вспоминали довоенное время, своих родных и близких, годы учебы. Вера училась в педагогическом институте имени А.И.Герцена, увлекалась художественной литературой, вспоминала произведения русских и советских авторов: А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, А.М.Горького, В.В.Маяковского, В.Я.Брюсова, А.А.Блока. Наши встречи продолжались вплоть до января 1944 г., когда войска Ленинградского фронта, в том числе и наш 84-й полк, начали бои по полному снятию блокады города.

В период наступления у меня с комсоргом В.В.Лебедевой были редкие и короткие встречи: в Антропшино в конце января 1944 г., где располагались наши радиостанции и штабы армии и нашего полка, а также в Дивенской в марте 1944 г. В конце марта – начале апреля 1944 г. была встреча в леспромхозе неподалеку от Карамышева, куда перебазировался первый эшелон полка, а дальше были Волчьи Ямы, где с Верой в апреле-мае мы виделись часто. Мы и не предполагали, что там, в Волчьих Ямах летом 1944 г. наши встречи прекратятся.

Тогда был образован 3-й Прибалтийский фронт, и армия, и наш полк были переданы в его состав из Ленинградского фронта. А Вера Лебедева была оставлена для прохождения службы в войсках Ленфронта.

Но я всегда помнил сероглазую девушку, симпатичного комсорга Веру Лебедеву, следил за мемуарной литературой о боях под Ленинградом и блокаде города, особенно внимательно – за публикациями писателя Павла Николаевича Лукницкого, дневники которого стали выходить в издательстве «Советский писатель». На страницах их я нашел много знакомых фамилий, увидел и сообщение о Вере. Лукницкий упоминал, что Вера приезжала к нему через три года после во-

йны. Он жил тогда в Доме писателей на канале Грибоедова в Ленинграде, недалеко от собора Спаса на крови, но после этой встречи след Веры потерял. С большим сожалением прочитал я эти строки. Но читаю дальше, и на последней странице вижу сообщение: «А Вера нашлась. Она работает в Ленинграде».

Я решил узнать адрес Лукницкого. Обратился в псковскую писательскую организацию, встретился с Евгением Павловичем Нечаевым, который дал мне не только московский адрес Лукницкого, но и домашний телефон. Я сразу же написал ему письмо, и через несколько дней получил открытку с теплыми словами приветия и адресом Веры, поблагодарил Павла Николаевича по телефону за быстрый ответ на мою просьбу.

И вот я в Ленинграде, сидим с Верой, вспоминаем военные годы. Поговорить было

о чем: ведь наша встреча после расставания состоялась через 27 лет, в 1971 г. Вера в 1949 г. вышла замуж, в 1954 г. получила в Ленинграде юридическое образование и была направлена на должность судьи в Мурманскую область. В 1959 г. она жила в г.Апатиты в Заполярье. У нее дочь Надежда, а внук назван Сережей. «В честь тебя», - сказала мне Вера. Она по-прежнему живет в Ленинграде, и во время каждой поездки я навещаю ее, мы часто звоним друг другу по телефону.

Вера Васильевна, несмотря на недомогание, занимается литературным трудом: она выпустила объемную (20 п.л.), большого формата иллюстрированную книгу «Солдатские вдовы», и я получил ее в подарок с надписью: «Сергею Иванову, моей юности, опаленной войной. С уважением и любовью. В.Соловьева (Лебедева). Ленинград – Санкт-Петербург. 21.10.04 г.».